

В учебном зале «адепты высшего ранга» уже закончили занятия, но сейчас проходил экзамен. Все они сидели прямо, усердно писали под надзором старшей ученицы Мисан Яююэ.

Хотя эта орава «среднего ранга» и отличалась проказливостью, они не смели буяннить и мешать. Все они на цыпочках прошли мимо коридора учебного зала, поднялись по склону вдоль журчащего ручья и юркнули в густой лес.

Едва войдя в лес, Ло Ханьсинь со вздохом облегчения хлопнул себя по груди:

— Фух... чуть не умер со страху.

Тун Сан поддел его:

— Брат Ло, почему ты боишься старшей сестры больше, чем мы?

Ло Ханьсинь поморщился:

— Она отчитывала меня больше, чем всех вас вместе взятых, ладно?

Тун Сан сказал:

— Но разве старший брат Чжун Ли не всегда тебя защищал?

Ло Ханьсинь закатил глаза:

— Лучше бы он этого не делал! Стоит ему за меня заступиться, как мне достается ещё сильнее!

Все удивлённо спросили:

— Почему?

Ло Ханьсинь вспыхнул:

— Откуда я знаю?!

Лу Цы слушал их перебранку, но глаза его продолжали искать в лесу. Не найдя ничего, он тут же сказал:

— Ладно, хватит болтать. Разойдитесь и ищите в разные стороны.

Все послушно ответили «Ой» и разошлись, а Лу Цы продолжил путь вперёд, осматриваясь по сторонам. Вскоре он оказался рядом с Весенним Сном.

Услышав всплеск воды, он поспешил к Зеркальному пруду и, подбежав, увидел двух мокрых журавлей, которые, хлопая крыльями, с трудом выбрались на каменную дорожку и, пошатываясь, снова взлетели.

Проводив их взглядом, Лу Цы немного облегчённо вздохнул, но, опустив глаза, заметил в кроне дерева Весенний Сон третьего журавля.

На ветке лежал человек, одной рукой держа ногу журавля, словно собирался разорвать его на части прямо там.

— Эй! — срочно крикнул Лу Цы. — Что ты делаешь?!

Услышав голос, человек обернулся и сквозь листву бледно-розового цвета равнодушно бросил на него взгляд.

Встретившись взглядом в одно мгновение, Лу Цы замер на месте.

Это было лицо... настолько прекрасное, что его невозможно было забыть. Но что удивило его ещё больше, так это то, что у него не было абсолютно никаких воспоминаний о таком человеке? Хотя Тайная обитель не была слишком большой, все ученики вместе насчитывали лишь сотню с лишним человек. Независимо от того, насколько близкими были отношения, за столько лет можно было хотя бы узнать лицо в лицо. Но внешний вид этого человека был настолько выдающимся, что, увидев его однажды, невозможно было легко забыть. А сейчас он выглядел таким чужим. Неужели... все эти годы они в обители ни разу не встретились даже один раз?!

— Ты... — Лу Цы по привычке хотел спросить, кто он, но, увидев духового журавля в его руке, тут же переключился. — Сначала отпусти его!

Услышав это, человек послушно разжал руку и позволил журавлю упасть с ветки на землю, словно выбросив какую-то вещь. Лу Цы цокнул языком и поспешил обогнуть дорожку, бросаясь бежать к Весеннему Сну.

Подбежав под дерево, он увидел, что журавль яростно хлопает крыльями, но нога его немного хромает.

Лу Цы подумал, что это человек на дереве повредил ногу журавлю, но, присмотревшись, обнаружил, что на одной из ног журавля была намотана полоска ткани.

Ткань была новой, но края её были рваными и грубыми, на вид словно только что оторванными от одежды.

Лу Цы невольно поднял голову и увидел, что цвет и ткань одежды человека действительно совпадали с полоской ткани. На подоле одежды, свисавшем со ствола дерева, виднелись явные следы разрыва.

Он только что... перевязывал журавля?

Лу Цы тут же почувствовал стыд за свою подлость и как собирался поблагодарить, как вдруг из леса за спиной кто-то закричал:

— Эй! Он здесь!

Ло Ханьсинь, Тун Сан и несколько других учеников поспешили подойти, но, не добежав до пруда, резко затормозили. Они глупо уставились на человека на дереве какое-то время, а затем обменялись несколькими непонятными взглядами.

Лу Цы растерянно спросил:

— Чего застыли? Идите сюда.

Несколько человек колебались мгновение, и Тун Сан с странным выражением лица поманил его:

— Ты... иди-ка сюда.

Лу Цы, глядя на выражения их лиц, чутко ощутил, что атмосфера немного не та. Он снова посмотрел на человека на дереве, увидев, что тот совершенно не намерен обращать на всех внимание, и, что-то бормоча про себя, поднял журавля и пошёл к краю пруда.

Только что он подошёл к ним, как Ло Ханьсинь и Тун Сан без лишних слов потащили его, развернули и пошли прочь; в их спешке проглядывало даже несколько паники.

Войдя в лес, Лу Цы сразу же сказал:

— В чём дело?

Тун Сан оглянулся назад и, убедившись, что расстояние до Весеннего Сна достаточно велико, разжал руку. После мучительных раздумий он наконец выдал одну фразу:

— Ты его не знаешь?

Лу Цы тоже был озадачен этим вопросом:

— Кто он?

Тун Сан и Ло Ханьсинь переглянулись и с преувеличенным удивлением сказали:

— Вообще удивительно, он всё-таки считается «знаменитостью», а ты его не знаешь?

Лу Цы, видя, что он тянет время, с отвращением сказал:

— Говори по существу.

— Ладно, ладно, — кивнул Тун Сан. — Его зовут Цзи Учжоу, но... это имя практически никто не называет. Когда упоминают его, все используют другое обращение.

Лу Цы спросил:

— Какое?

Тун Сан тихо сказал:

— Бог Чумы.

Лу Цы удивился:

— Почему?

Выражение лица Тун Сана было очень сложным для описания; он похлопал Лу Цы по плечу:

— Не то чтобы я тебя упрекаю, но обычно ты чаще всех бегаешь в библиотеку. Можешь ли ты не всегда читать только серьёзные исторические хроники, законы, астрономию и географию? Различные людские слухи и «Записки ста кланов» тебе тоже стоит иногда полистать, ладно?

Лу Цы понял, что, похоже, его привычка к чтению всё это время заставляла его упускать некоторые «общеизвестные» вещи, и предположил:

— Это дело ещё как-то связано с Континентом людей?

Тун Сан кивнул:

— Самое прямое отношение! В «Записках ста кланов» белым по чёрному написано, что их род Цзи с древних времён похож на Бога Чумы: к кому прикоснётся — тому не повезёт!

Лу Цы нашёл это просто невероятным:

— И этому кто-то верит?

Хотя он и не читал «Записки ста кланов», он кое-что слышал. Говорили, что это сборник случайных записей, автор которого неизвестен. И можно ли верить тому, что там написано?

Тун Сан безразлично усмехнулся:

— Эй, ты опять хочешь сказать что-то вроде «нет доказательств — нет вины», «нельзя делать поспешных выводов»?

Лу Цы не стал отрицать; в сердце у него действительно была такая мысль. Но, видя, что у Тун Сана, похоже, остались недосказанные слова, он подтолкнул его:

— Меньше загадок, говори скорее.

Тун Сан поджал губы:

— Ладно, дай мне подумать, с чего начать... Ага, ты только что видел его волосы, да?

Лу Цы замер и сказал:

— Это ещё вопрос?

Тун Сан не рассердился и терпеливо спросил:

— Какого цвета?

Лу Цы моргнул, вспоминая:

— ...Серые?

Только что он видел лишь несколько быстрых взглядов, поэтому на самом деле не видел очень ясно. Но, тщательно вспоминая, он мог примерно вспомнить, что это был глубокий серый, цвет, похожий на золу из курильницы, смоченную водой.

Тун Сан сказал:

— Ну, в детстве его волосы были не такими. И его глаза, ты, наверное, не заметил, тоже светлые, но в детстве были другими.

Лу Цы непонимающе спросил:

— И что с того?

— Эй-эй-эй — позволь мне объяснить, — Ло Ханьсинь, слушая сбоку, не выдержал и, посмотрев на Лу Цы, серьёзно сказал:

— Ты ведь знаешь, что Весенний Сон эти годы всё время бледнеет, да?

Лу Цы кивнул. В начале его памяти крона Весеннего Сна была глубоко-розовой, а затем в эти

годы она потихоньку становилась бледнее, а сейчас уже была розовой с оттенком белого.

Ло Ханьсинь сказал:

— А ты знаешь, какой она была в самом начале?

Лу Цы вспомнил на мгновение и растерянно покачал головой.

Ло Ханьсинь сказал:

— Красная, огненно-красная.

Лу Цы не понимал, какой смысл он вкладывает в эти слова, но смутно почувствовал какую-то возможность и сказал:

— Это связано с ним?

Ло Ханьсинь кивнул:

— Да, если говорить об этом, это на самом деле довольно давняя история. Мы тогда были ещё маленькими, поэтому нормально, что не помним.

Согласно словам старших братьев и сестёр, Весенний Сон когда-то называли «благословенным облаком Тайной обители», потому что он всегда был ярко-красного цвета, а крона была похожа на послеполуденные закатные облака, выкрашенные красным солнцем.

Поколения учеников сменяли друг друга, люди в Тайной обители менялись одна волна за другой, но Весенний Сон никогда не менял цвет, подобно учителю Цюэ Цзиньсяню, словно существу, которое никогда не стареет.

Однако, начиная с трёхлетнего возраста Цзи Учжоу, когда цвет его волос и глаз начал бледнеть, Весенний Сон тоже начал терять цвет: от красного к ярко-розовому, от ярко-розового к глубокому розовому, а затем выцветая до нынешнего бледно-розового.

Кроме того, учитель Цюэ Цзиньсянь, казалось, тоже подвергся его влиянию: в его чёрных, как тушь, волосах, которые не менялись тысячи лет, начала появляться седина. С нуля до наличия, с наличия до множества, а сейчас выглядела уже почти полностью седой.

Эти изменения поначалу были очень медленными, и когда все осознали это, прошло уже немало времени. Но только стоило немного подумать, как все быстро обнаружили связь между ними.

<http://bllate.org/book/16826/1565255>